

18+

НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД МОЕЙ МОГИЛОЙ

ИВАН КИНИКИ

Иван Киники

Не смейтесь над моей могилой

«Издательские решения»

Киники И.

Не смейтесь над моей могилой / И. Киники — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679761-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга — снимок с места катастрофы, где под обломками советского прошлого и постсоветского настоящего погребены мечты и цели. Картина абсурда русской провинции. Когда граница между трезвостью и безумием стирается. Когда встречи с людьми это не удача, а несчастный случай. Когда нет правильных ответов, только суровая реальность. Когда смотришь в бездну, не зная, что бездна может посмотреть в ответ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-679761-1

© Киники И.

© Издательские решения

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Не смейтесь над моей могилой

Иван Киники

© Иван Киники, 2025

ISBN 978-5-0067-9761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван Киники

Не смейтесь над моей могилой

Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Наркотики – это плохо!

*Он запивает горе и вселенскую тоску,
Пытается заштопать внутренние раны
И очень просит большие табачку.
Как не курить в такие мрачные туманы?*

Алексей Виниченко

I

Последние четыре года я живу просто для того, чтобы зарабатывать деньги. Эти заработанные деньги я трачу на алкоголь, а алкоголь, в свою очередь, мне нужен, чтобы спокойно жить. Наверное, есть выход из этого круга. Наверное, есть. Но сложно сказать, нужен ли он мне. Всё время кажется, что моя жизнь – это поиск чего-то, но я даже не могу вообразить, чего. Речь даже не о тошнотном поиске иголки в стогу сена. Я как будто ищу грушу, растущую на яблоне, причём, стою за километр от дерева и думаю, что это рябина. Надо пить дальше, а то так и до вечера можно залипнуть в мыслях.

Эта благая идея спасла меня от того, чтобы пролить водку, которую я аккуратно заливал в бутылку с энергетиком, стоя в толчке торгового центра. Ещё чуть-чуть, и пришлось бы слизывать с пальцев. Я был уже довольно пьян, даже чтобы сконцентрироваться на таком деле, как создание моего убойного коктейля, мне пришлось опереться спиной о стенку и закрыть один глаз. Лишь после того, как мой божественный нектар был создан, я ощутил готовность покорять этот мир. Выйдя из кабинки, я направился к выходу.

Вся одежда на мне была чёрной: широкие джинсы, укороченный пуховик, ботинки. Чёрным было всё – даже кофта под курткой. Сюда же можно добавить, что волосы мои походят по цвету на уголь или чернила, или кусок угля в чернилах. То есть издали меня можно было принять за ходячий мусорный пакет.

Такое простое действие, как выход из торгового центра, далось мне с трудом, ведь я всегда очень легко находил приключения. Или они легко находили меня. То ли под тяжестью водки и энергетика, то ли по чистой случайности (хотя мне показалось, будто в этот момент луна специально приблизилась к земле, чтобы притянуть меня к себе и устроить мне проблему) я столкнулся с каким-то лысым двухметровым ублюдком. Одет он был соответственно: чёрный бомбер, спортивные штаны и кеды «Адидас», в завершении портрета – снисходительный взгляд и самоуверенный вид. Я уверен, ситуация повернулась бы иначе, не будь рядом с ним почтительной соски с дорожкой сумкой.

Конфликта я не хотел – может, потому что ещё не был сильно пьян, но даже когда я в ноль, адреналина мне не хочется. Хотя всякое бывает... Этот упырь сразу решил показать, что он тут король, а я не стою даже волоска на его мошонке. Видок у него был, конечно, забавный: орать он стал так, что покраснел, а на его лбу вылезли вены. Признаться честно, я не могу сказать, что именно он пытался мне донести. Даже вкратце. Я просто не слушал его. До последнего я пытался сдерживать смех, ведь этот орангутанг со всем своим напускным пафосом выглядел как персонаж из советского мультфильма. В моей голове сразу же заиграла подходящая песенка.

Но делать всё же что-то надо было. Конечно, я понимал, что вряд ли он настолько смел, чтобы прибегнуть к рукоприкладству посреди торгового центра, да и мне самому драки не хотелось. Я видел, что его мадам находится в предоргазмических спазмах от вида сжавшихся кулаков её кавалера. Я сразу понял, что такое извержение его вокабуляра – это просто разминка языка перед чем-то более значимым для них обоих. Всё же я поступил, как говорят многие, «умнее» и принёс искренние извинения. На этом конфликт был исчерпан, хотя, по сути, конечно, это больше было похоже на цирковое представление. Для его дамы он был вылитым Цице Брайтбартом, а для меня скорее Марселем Марсо.

Неприятности действительно преследуют меня, особенно когда речь идёт о взаимодействии с людьми. Я двинулся дальше. Выйдя из торгового центра, я закрыл глаза, ведь солнечные лучи, точно свора голодных собак, вцепились в них. Когда веки всё же открылись, я увидел до боли знакомую картину: солнце, снег, люди. Толпы людей! Сформированные по возрасту, стилю одежды, будто даже по сексуальным предпочтениям. И никогда эти толпы не перемешивались, лишь изредка собирались в одну гигантскую кучу, но только по праздникам. Они

были и будут тут всегда – что утром, что вечером, что вчера, что завтра – будто дрессированные шавки.

Из-за своей глубокой ненависти я всегда демонстративно обходил эти толпы за десять метров, даже если мне было удобнее пройти сквозь. Я очень люблю весь огромный народ своей страны – и маньяков, и бандитов, и работяг. Даже к ментам отношусь с тёплым чувством, но вот эти скопища ненавижу! Терпеть не могу!

Не надо называть меня алкоголиком-одиночкой! К сожалению, я не могу объяснить причину, по которой оказался в туалете торгового центра пьяный, но сейчас я иду навстречу со своим глубокоуважаемым другом, чтобы уже вместе хлестать водку. К слову, это десятый день моего запоя, деньги на исходе, здоровье тоже, но погода сегодня так и шепчет!

День был действительно прекрасным, прямо-таки райским. Солнце пыталось выжечь мне глаза своим пламенем, мороз облизывал мои щёки, губы, пальцы, а снег мелодично скрипел под подошвой. Мой любимый русский снег. Вот я уже увидел моего приятеля. Саша был, как обычно, серьёзен, потому что ещё не пьян, хотя имел при себе большое количество водки. Интересоваться, откуда она, я не стал. Одетый в ветровку, широкие плотные брюки и кроссовки (всё куплено с рук), он посмотрел на меня с некоторой завистью к моему состоянию и выдал улыбку.

– Нас опять зовут на хату те сучки! – жеманно выдал из себя мой приятель.

– Бля... ну пошли, че делать-то ещё, – сказал я, переключившись на быстрый шаг.

Вообще, каждый раз утром я жалею о том, что оказываюсь на каких-то странных квартирах, ведь с моим умением находить неприятности я не могу спрятаться от них даже там.

С Сашей мы выпивали довольно часто, я бы даже сказал – слишком часто. Последние десять дней я встречаюсь с разными людьми, и Саша попадаете мне уже третий раз, хотя я уверен, он был бы готов хоть все десять дней синячить. Именно с этим парнем я и попадаю в самые сумасшедшие приключения, ведь мы не очень-то и разборчивы в алкоголе, я бы даже сказал, совсем не разборчивы... Льем в себя всё подряд! В любых количествах, концентрациях и пропорциях. Для нас не существует правил типа: «обязательно нужно закусывать», «нельзя понижать градус» и подобной чуши, придуманной, чтобы пузатые дяди не нажирались как свиньи, а выпивали культурно. Мы же с Сашкой давно поняли суть алкоголя: главное – отключить мозг и как можно быстрее! Дальше уже пусть работает автопилот, который нас почти никогда не подводил.

Мы не выглядели как заядлые алкоголики – глаза горели, улыбки сияли. Лишь утром по характерному запаху и опухшей роже можно было определить, что вечер был проведён весело.

Прежде чем дойти до квартиры, до которой, к слову, идти нужно было минут пятнадцать, мы решили сделать остановку в туалете забегаловки, чтобы Саша смог наполниться русским духом, то есть хряпнуть водки. Пока я ждал, ко мне подошли пара знакомых. Я всегда встречал их только пьяными, им постоянно было «смешно с меня», но волновало это меня лишь в похмельной депрессуе и никогда больше. У нас, как всегда, завязался наискучнейший диалог. Эти люди никогда не отличались размахом мысли. В такие моменты я всегда пытался показаться хуже, чем есть, думал, что это отпугнёт их, но их это будто притягивало.

Дождавшись Сашу, я быстро распрощался со всеми и, как самая настоящая мразь, сказал, что надо будет обязательно встретиться на досуге, и чтобы они писали, если что. Конечно, если они назначат встречу, я аккуратно съеду, а если напишут, сделаю вид, что не увидел сообщения. Саша сказал, что в туалете выпил сразу три стопки (стопка у него была своя – ровно 50 миллилитров. Он большой педант в плане доз потребляемого алкоголя). На этой ноте мы и направились топтать снег на пути в тёплую квартиру, попутно обсуждая наше хтоническое, но нами же выбранное бытие.

– Как-то впадлу так много бухать уже, – высказался Саша.

Такие умозаключения я слышал часто, даже от самого себя. Можно сказать, что это стало негласной шуткой.

– Ну давай дунем завтра.

Саша засмеялся.

Мы стояли уже у двери, оставалось только дожидаться, когда её откроют. И, как ни странно, это произошло. Самая невзрачная чёрная дверь отворилась, нам в уши врезалась громкая музыка. Нас встретила одна из этих девочек. От неё несло приторными духами, которыми она провоняла всю квартиру. На ней было боди с глубоким вырезом, но длинными рукавами, и джинсы, неплохо подчёркивающие любимое мужское место. У неё были хитрые глаза, аккуратный нос, словно детский, и тонна макияжа на лице. Вторая была в комнате и орала на кого-то по телефону. Она была не похожа на первую: предпочитала футболки и в целом закрытую одежду, красилась менее яростно и не использовала кричащие приторные духи.

Сами эти курицы ничем особым не блистали. Обычные дети потребительской России. Очень часто в последнее время мы с Сашей останавливались в этой не самой уютной квартире. Далеко не из желания заполучить этих девок и даже не из жажды развлечений. Я бы сказал, что наши алкогольные гулянья так приелись нам, что даже такая квартира казалась хорошей перспективой, чтобы хотя бы не мерзнуть на улице.

Сама квартира была обычным образчиком брежневской застройки, смешанной с евро-ремонтom (но всё же было видно, что ремонт делали глубоко русские люди – то есть с матом и водочкой). Пройдя на до жути скомканную кухню, мы с Сашей достали алкоголь. К тому времени мой божественный нектар иссяк, и мне не оставалось выбора, как пить вместе с ним из стопок, хотя против я и не был.

От водки мысли становились всё гуще и туманнее. Этого я и добивался. Я замечаю, что уже не сильно контролирую речь, эмоции и поведение. Я не помню, о чём говорил одной из них пару минут назад, хотя диалог был довольно конструктивным... Я не понимаю даже, какой из этих двух я пытался что-то доказать. К слову, я никогда и не понимал этих девочек. По всей видимости, им самим было радостно принимать у себя двух пьяных зверей – каждый раз они лишь смеялись, а пили в разы меньше нашего.

После нескольких часов, проведённых на кухне за водкой и пустыми разговорами, мы переместились в просторную комнату, где был включён телевизор, напротив которого стоял большой раскладной диван. Именно на него мы все легли, и в воздухе завис резкий и мучительно болезненный вопрос:

– А что будем смотреть, мальчики?

Мне было уже похуй. Я чувствовал невероятную тяжесть своего тела, будто меня накрыли металлическим одеялом. Губы не шевелились, глаза смотрели в одну точку, в мыслях зияла пустота. Саша, по всей видимости, испытывал схожие ощущения, ведь на вопрос он тоже не ответил. Тогда на экране начали улыбаться, передвигаться, разговаривать до боли знакомые мне люди, будто я знал их с самого детства. Будто это с ними я впервые попробовал алкоголь, будто им рассказывал о первом свидании и всё в этом роде. Но я не мог вспомнить, что это за кино или сериал, не мог вспомнить сюжет, не мог вспомнить даже имена персонажей.

В этот раз отключить мозг получилось действительно удачно. Я бы даже сказал, что это Нобелевская премия «за упорный труд в области упарывания».

Кажется, мы выпили около двух литров водки. Кто-то погасил свет в комнате, и человечки на экране стали такими яркими и ясными, что казалось, будто я – рыбка в аквариуме, которая смотрит на них. Мысли становились всё запутаннее... Дыхание затрачивало слишком много сил... Голоса из телевизора становились всё более мелодичными... Я уснул.

Я видел сон: прохладный гаснул день. Видел: комок чувств и эмоций, блуждающий по космосу. Этим комком был я. Вдали от земли, вдали от любых мерцающих огоньков. Чувствовал я, что лечу с огромной скоростью, но не могу догнать ни одного пятнышка на чёрном полотне

вокруг меня. Не было ни закатов, ни рассветов, ни ветра, ни дождя. Только пустота, пронизанная тысячами лампочек. Только лезвия холода и ужас одиночества. Любой свет слишком далёк от меня, и как бы быстро я не летел, он оставался недостижимым. Куда же я смогу так прилететь? Смогу ли я добраться до этих белых пленков когда-нибудь, бесцельно паря в морозе? Никого здесь нет – ни родных, ни близких, не с кем дискутировать, некому сопереживать. Но ведь есть я! Я могу мыслить, но не могу говорить... Могу двигаться, но не могу ничего достичь... Может, тогда и меня тут тоже нет? Существовую ли я в действительности, если не влияю на то, что происходит вокруг? Может, и мысли вовсе не мои, а навязанные? Может, и чувства не мои, а чужие? Но чьи же, я ведь тут совсем один.

Вакуум сводит с ума. В нём нет звуков, а значит, не может быть и музыки, разговоров, лекций, полемик. Я поражён, что люди, одаренные таким божественным посланием, как звук, голос, речь, тратят его на пустые разговоры, где пытаются, образно говоря, либо вылизать жопу, либо самим прислониться жопой к чьему-либо рту. В космосе все были бы равны – тут все молча смотрели бы друг на друга, а эмоции пришлось бы читать по глазам. Но ведь космос всё-таки говорит с нами. У него свой язык – волн и колебаний – которые можно перевести в звук благодаря специальной технике. А кто же, собственно, говорит? Кто разговаривает на языке магнитных полей и энергетических всплесков? Кто забрался так далеко вверх, лишь бы не слышать человеческую речь и любые другие звуки? А может, вакуум – это специальная ширма, чтобы Его никто никогда не услышал, а все эти волны – лишь отголоски? В этот момент я почувствовал сильное, бьющее тепло сзади, которое сопровождалось вибрациями. Тела у меня хоть и не было, но этот жар грел, он лез прямо в душу. С пронизывающим меня страхом совладать было невероятно трудно, но я всё же решился развернуться.

Я проснулся от ощущения, что к моему паху кто-то прикасается. И действительно, рядом со мной лежала девка, которая открывала нам дверь, а её рука лежала у меня на джинсах. Саши и второй девицы в комнате не было. Когда осознание всей ситуации всё же пришло, меня охватил безудержный, неконтролируемый гнев. Я напрыгнул на неё с криками, схватил её аккуратную девичью шею и стал давить обеими руками.

– Шлюха, ты хоть знаешь, что ты наделала! Я тебя убью! Клянусь, я тебя задушу!

Ей стало страшно, безумно страшно. Её глаза передавали боль и страдания, а рот искривился в ужасе, но не издавал ни звука. Конечно, она сопротивлялась как могла, но сбросить меня с себя или убрать мои руки было невозможно. Она кряхтела и брыкалась, пыталась дотянуться до моего лица, царапала меня ногтями, дёргала ногами и жадно хватала ртом сгустки воздуха, которые всё равно до неё не доходили, как бы она ни старалась. Я сжимал пальцы сильнее и сильнее, не думая о последствиях. Мне просто хотелось её убить. Фаланги углублялись в кожу молочной шеи.

Вдруг она перестала сопротивляться, но глаза её всё ещё смотрели на меня. Девушка не была мертва, даже находилась в сознании. Я поднёс лицо ближе к её глазам и увидел страшную рожу в отражении. Гнев исказил моё лицо до неузнаваемости. Кривой, злющий, красный монстр смотрел на меня из глаз умирающей от его рук маленькой нимфочки. Мне стало страшно. Я отпрыгнул в ужасе и упал на спину. Схватившись за голову трясущимися руками, я стал кричать, упёршись спиной в стену, сидя на полу.

На мой крик сбежались оставшиеся посетители нехорошей квартиры. На их лицах застыл тихий ужас: увидев сначала меня (теперь уже не красного, но бледного, даже скорее белого, как летние облака), а потом задыхающуюся на кровати девку, они застыли в ужасе и непонимании. Убежав на кухню и схватив первый попавшийся нож, я стал кричать, истерически махая им.

– Я должен умереть! Я чудовище!

Все, кроме придушенной, прибежали ко мне. Я стоял с ножом, направленным на моё горло.

– Дайте мне умереть, я должен умереть, – сквозь слёзы вырвалось из моего рта.

Я рыдал как сука, всхлипывал и стонал, но нож не опускал. Несколько секунд мне не хватало, чтобы распрощаться с этим миром. Я думал, что мне хочется сделать напоследок. Мой друг и стоящая рядом с ним девушка не знали, что делать, они всё ещё находились в диком шоке. Они выглядели очень смешно – нужно было сфотографировать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.